

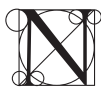

*The
Shining*

СТИВЕН
Stephen King
КИНГ

СИЯНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
THE SHINING

Перевод с английского *И. Моничева*

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения издательства Doubleday,
an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin
Random House, LLC.

Кинг, Стивен.

К41 Сияние : [роман] / Стивен Кинг ; [перевод с английского
И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 512 с. —
(Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-133880-0

Культовый роман Стивена Кинга.

Роман, который и сейчас, спустя сорок с лишним лет после триумфального выхода в свет, читается так, словно был написан вчера. Книга, вновь и вновь издающаяся едва ли не на всех языках мира. Перед вами — одно из лучших произведений Мастера!

...Проходят годы, десятилетия, но потрясающая история писателя Джека Торранса, его сынишки Дэнни, наделенного необычным даром, и поединка с темными силами, обитающими в роскошном отеле «Оверлук», по-прежнему завораживает и держит в неослабевающем напряжении читателей самого разного возраста...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1977

© Перевод. И. Моничев, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	
Глава 1. СОБЕСЕДОВАНИЕ	13
Глава 2. БОУЛДЕР	23
Глава 3. УОТСОН	28
Глава 4. НА ТЕНЕВОЙ СТОРОНЕ	40
Глава 5. ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА	51
Глава 6. НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	62
Глава 7. В ДРУГОЙ СПАЛЬНЕ	75
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОКОНЧАНИЕ СЕЗОНА	
Глава 8. ВИД НА «ОБЕРЛУК»	77
Глава 9. БОЛЬШОЙ ОТЪЕЗД	82
Глава 10. ХОЛЛОРАН	89
Глава 11. СИЯНИЕ	99
Глава 12. БОЛЬШАЯ ЭКСКУРСИЯ	111
Глава 13. НА ТЕРРАСЕ	122
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОСИНОЕ ГНЕЗДО	
Глава 14. НА КРЫШЕ	125
Глава 15. ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ОТЕЛЕМ	140
Глава 16. ДЭННИ	145
Глава 17. НА ПРИЕМЕ У ДОКТОРА	165
Глава 18. АЛЬБОМ С ВЫРЕЗКАМИ	184
Глава 19. ПЕРЕД НОМЕРОМ 217	202
Глава 20. РАЗГОВОР С МИСТЕРОМ УЛМАНОМ	211
Глава 21. НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	224
Глава 22. В ПИКАПЕ	239
Глава 23. ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА	244
Глава 24. СЧЕТ	252
Глава 25. В НОМЕРЕ 217	253

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ

Глава 26.	ТЕРРИТОРИЯ СНОВИДЕНИЙ	263
Глава 27.	КАТАТОНИЯ	272
Глава 28.	«ЭТО БЫЛА ОНА!»	279
Глава 29.	РАЗГОВОР НА КУХНЕ	288
Глава 30.	СНОВА В НОМЕРЕ 217	296
Глава 31.	ВЕРДИКТ	301
Глава 32.	В СПАЛЬНЕ	302
Глава 33.	СНЕГОХОД	323
Глава 34.	ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ	333
Глава 35.	В ВЕСТИБЮЛЕ	343
Глава 36.	ЛИФТ	348
Глава 37.	БАЛЬНЫЙ ЗАЛ	353

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Глава 38.	ФЛОРИДА	361
Глава 39.	НА ЛЕСТНИЦЕ	376
Глава 40.	В ПОДВАЛЕ	381
Глава 41.	СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ	387
Глава 42.	В ПОЛЕТЕ	391
Глава 43.	ВЫПИВКА ЗА СЧЕТ ЗАВЕДЕНИЯ	395
Глава 44.	СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ	401
Глава 45.	АЭРОПОРТ СТЕЙПЛТОН, ДЕНВЕР	413
Глава 46.	УЭНДИ	420
Глава 47.	ДЭННИ	436
Глава 48.	ДЖЕК	438
Глава 49.	ХОЛЛОРАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРЫ	443
Глава 50.	РОМ	451
Глава 51.	ПРИБЫТИЕ ХОЛЛОРАНА	461
Глава 52.	УЭНДИ И ДЖЕК	467
Глава 53.	ХОЛЛОРАН ПОВЕРЖЕННЫЙ	473
Глава 54.	ТОНИ	479
Глава 55.	ТО, О ЧЕМ ЗАБЫЛИ	486
Глава 56.	ВЗРЫВ	493
Глава 57.	ИСХОД	498
Глава 58.	ЭПИЛОГ. ЛЕТО	505

Посвящается Джо Хиллу Кингу, чье сияние неугасимо

Редактором этой моей книги, как и двух предыдущих, был мистер Уильям Дж. Томпсон — человек остроумный и здраво-мыслящий. В создание этого романа он внес немалый вклад, за что я ему признателен.

С.К.

Некоторые из лучших курортных отелей мира расположены в горах штата Колорадо, но гостиница, описанная на этих страницах, не имеет с ними ничего общего. ОТЕЛЬ «Оверлук», как и связанные с ним персонажи, существует исключительно в воображении автора.

В этой же зале стояли... огромные часы из черного дерева. Маятник качался взад и вперед с глухим, унылым, однообразным звуком, а... часы начинали бить, из медных легких машины вылетал чистый, громкий звук, необыкновенно певучий, но такой странный и сильный, что музыканты в оркестре останавливались, танцоры прекращали танец; смущение овладевало веселой компанией, и, пока раздавался бой, самые беспечные бледнели, а старейшие и благоразумнейшие проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль или грезу. Но бой замолкал, и веселье снова охватывало всех. Музыканты переглядывались с улыбкой, как бы сами смеясь над своей глупою тревогою, и шепотом обещали друг другу, что следующий бой не произведет на них такого впечатления. И снова, по прошествии шестидесяти минут... раздавался бой часов, и снова смущение, дрожь и задумчивость овладевали собранием.

При всем том праздник казался веселым и великолепным...

*Э.А. По. Маска красной смерти**

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Солнце насильно сиять не заставишь.

Народная мудрость

* Перевод М. А. Энгельгардта.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Как мне представляется, в творчестве любого писателя — обычно на достаточно раннем этапе — возникает «роман-пеплустье», когда автору предоставляется выбор: либо продолжать делать то, что он уже с успехом делал прежде, либо попытаться поставить перед собой чуть более высокую цель. Но только оглянувшись назад через многие годы, начинаешь понимать, насколько важно было для тебя принять тогда верное решение. Ведь порой подобный момент случается в твоей карьере всего лишь однажды. Для меня такой книгой стал роман «Сияние», в котором я решил поднять свою планку на новую высоту. Я даже помню конкретное место в тексте, поставившее меня перед нелегкой альтернативой: это случилось, когда я описывал, как Джек Торранс, исполненный противоречий главный отрицательный персонаж «Сияния», вспоминает о своем отце — грубом пьянице, который вершил над сыном духовное, физическое и эмоциональное насилие... Иными словами, уродовал его личность всеми возможными способами.

С одной стороны, я мог описать жестокость отца Джека и этим ограничиться. Само собой, думал я, читатель легко увидит связь между отношениями Джека со своим отцом в прошлом и собственным отношением к своему сыну Дэнни, мальчику-экстрасенсу, который, разумеется, является центральной фигурой романа.

Но в то же время что-то подталкивало меня пойти глубже — признать, что Джек все-таки любил отца, вопреки (а может быть, как раз *благодаря*) его непредсказуемой и жестокой натуре. И я прислушался к своему внутреннему голосу, что принципиаль-

но изменило в романе очень многое. Вместо героя, постепенно превращавшегося из сравнительно приличного человека в несколько плоскую фигуру злодея, которого сверхъестественные силы толкают на убийство жены и сына, Джек Торранс приобрел более реальные (а значит, и существенно более страшные) черты. Как мне показалось, убийца с чисто мистическими мотивами для преступлений перестает быть пугающим, стоит только читателю преодолеть поверхностный страх, в который его может повергнуть любая мало-мальски стоящая история о привидениях. А вот убийца, движимый пережитым в детстве насилием над собой *наряду* с призрачными силами... О, вот это может по-настоящему задеть за живое. Более того, такой поворот сюжета позволял мне окончательно размыть грань между областями сверхъестественного и экстрасенсорного, заставить читателя сопереживать и желать: «Я надеюсь, это только сон», — то есть превратить просто страшное в поистине ужасающее. Во время моей единственной встречи с ныне покойным Стенли Кубриком, примерно за шесть месяцев до того, как он начал работать над своей киноверсией «Сияния», я понял, что именно эта грань рассказанной мной истории главным образом привлекла его внимание. Что именно заставляет Джека Торранса совершать преступления в номерах и коридорах отеля «Оверлук», отрезанных от всего мира снежными заносами? Призраки не умерших окончательно людей — или же не умирающие в нем до конца воспоминания? Мистер Кубрик и я пришли к разным выводам по этому поводу (я *всегда* считал, что это злые привидения «Оверлука» подводят Джека к краю пропасти), хотя вполне возможно, что наши выводы в чем-то были близки. Разве воспоминания — не единственно реальные призраки в наших жизнях? Разве не заставляют они нас порой произносить слова и совершать поступки, о которых потом приходится сожалеть?

Принятое мной решение постараться изобразить отца Джека человеком из плоти и крови, которого неприкаянный сын не только ненавидел, но и любил, впоследствии помогло мне пройти долгий путь к моим нынешним взглядам на жанр, так легко и пренебрежительно именуемый «ужастиком». Я убежден в необходимости подобных историй, потому что мы подчас нуждаемся в создании вымышленных чудовищ и монстров в качестве сурро-

готов-заменителей всего, чего мы так боимся в наших реальных жизнях: отца, который не целует свое дитя, а бьет; автокатастрофы, способной унести жизнь близкого человека; рака, незаметно поселяющегося в наших телах. И если бы все эти ужасные вещи были следствием воздействия неких сил тьмы, то, как мне кажется, нам было бы даже легче смириться с ними. Но они не остаются во мраке, а обладают собственным своеобразным жутким блеском, и ничто не блещет ярче, чем акты насилия и жестокости, которые мы порой совершаем в собственных семьях. Взмотреться в этот варварский блеск — подчас значит ослепнуть, и потому мы создаем для себя защитные фильтры. Фильмы и романы ужасов, как и страшные сказки, — это именно такие фильтры. Мужчины и женщины, которые настаивают, что привидений не существует, всего-навсего не умеют прислушиваться к смутным шепотам в своей душе, и как же они жестоки! Ведь даже самый злонамеренный призрак — существо очень одинокое, брошенное во тьме, отчаянно желающее быть услышанным.

Но разумеется, ничего подобного не приходило мне в голову в осознанной или хотя бы полусознанной форме, когда я писал «Сияние», сидя в своем маленьком кабинете с видом на Флатироны; мне нужно было создать роман и выполнять ежедневную норму в 3000 слов (сейчас, на шестом десятке, я радуюсь, если удается выдать 1800). Тогда я увидел лишь появившийся у меня выбор: сделать из отца маленького Дэнни в чистом виде плохого парня (что мне удалось бы с закрытыми глазами) или же попытаться создать характер более сложный и неоднозначный — такие еще называют более реалистичными.

И, признаться, не будь я к тому времени до некоторой степени финансово обеспечен, одно только это могло склонить меня к более легкому варианту. Однако мои первые две книги — «Кэрри» и «Жребий Салема» — имели успех, и мы, семейство Кингов, чувствовали себя в этом смысле уверенно. Вот почему мне не захотелось пойти по пути наименьшего сопротивления, когда я чувствовал, что могу поднять роман на значительно более высокий уровень эмоционального накала, сделав из Джека Торранса живого человека, а не двухмерного «злодея из “Оверлука”».

Результат получился далеким от идеала, и местами в тексте «Сияния» сквозит нахальная авторская самонадеянность, которую

я начал замечать лишь многие годы спустя. Но все же я очень люблю эту книгу и ценю ее за то, что именно она поставила меня перед столь важным выбором: остаться на уровне не слишком правдоподобных ужасов «комнаты страха», что есть в любом развлекательном парке, или ступить на гораздо более скользкую тропу, где между строк фантазии порой проглядывает опасная истина. По крайней мере так происходит в наиболее удачных произведениях жанра. И истина эта заключается в том, что монстры и призраки действительно существуют. Они обитают внутри нас, и порой именно они одерживают верх.

А тот факт, что иной раз — точнее, очень часто! — вопреки всем препятствиям в нас побеждают не они, а наши добрые ангелы, можно считать еще одной жизненной истиной в романе «Сияние». И слава Богу, что так происходит на самом деле.

*Стивен Кинг
Нью-Йорк, 8 февраля 2001 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

ГЛАВА 1

СОБЕСЕДОВАНИЕ

Вот ведь надутый недомерок! — подумал Джек Торранс. В Уллмане было пять футов пять дюймов роста, и двигался он с порывистой стремительностью, которая почти всегда свойственна низкорослым и пухлым мужчинам. Волосы на его голове разделял безукоризненный пробор, а темный костюм выглядел строгим, но удобным. *Я помогу вам решить любые проблемы*, заверял костюм состоятельных постояльцев. С подчиненными из обслуживающего персонала он говорил иначе: *Эй, ты! Работай на совесть, а не то...* Красная гвоздика в петлице, вероятно, торчала там для того, чтобы никто не спутал Стюарта Уллмана с владельцем местного похоронного бюро.

Слушая Уллмана, Джек вынужден был признаться себе, что в данных обстоятельствах ему бы не понравился ни один человек, кого ни посади по другую сторону стола.

Между тем Уллман задал ему вопрос, смысл которого он не успел уловить. Это плохо. Уллман явно был из тех, кто отмечает подобные промахи и заносит в свою мысленную картотеку, чтобы позже припомнить.

— Простите, о чем вы спросили?

— Я спросил, вполне ли ваша жена осознает, что вас здесь ожидает? И еще ваш сын. — Он бросил взгляд на лежавшую перед ним анкету. — Дэниел. Вашу супругу несколько не смущает подобная перспектива?

— Уэнди — необыкновенная женщина.

— И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек расплылся в своей самой широкой улыбке, которую всегда пускал в ход, если хотел обаять собеседника.

— Да, нам бы хотелось так думать. Для пятилетнего мальчика он вполне самостоятелен.

Ответной улыбки от Уллмана он не дождался. Тот лишь сунул заявление и анкету Джека обратно в папку. А папка перекочевала внутрь стола, поверхность которого теперь почти опустела, если не считать тетради для записей, телефона, лампы на шарнирной стойке и двух лотков, помеченных словами «Входящие» и «Исходящие». Причем оба тоже были пусты.

Уллман встал и подошел к стоявшему в углу шкафу для документов.

— Не могли бы вы обойти стол с моей стороны, мистер Торранс? Мы вместе посмотрим планировку этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и расстелил их на полированной ореховой столешнице. Джек встал с ним плечом к плечу и уловил резкий запах одеколона, исходивший от Уллмана.

Все мужчины моего склада пользуются либо «Инглиш лэзер», либо вообще ничем, почему-то подумал он, и ему пришлось чуть прикусить язык, чтобы сдержать невольный смешок. Сквозь стену доносился слабый шум кухни отеля «Оверлук», где шли приготовления к обеду.

— Верхний этаж, — пустился в энергичные объяснения Уллман. — Это чердак. Там нет абсолютно ничего, кроме старого хлама. Со времен Второй мировой войны «Оверлук» сменил нескольких владельцев, и такое впечатление, что каждый из управляющих сваливал туда всю ненужную ему рухлядь. Я хочу, чтобы там расставили крысоловки и разбросали отраву. Некоторые горничные с четвертого этажа жаловались на шуршание сверху. Я ни на секунду не допускаю такой мысли, но следует исключить малейшую вероятность, что в отеле «Оверлук» могла завестись хотя бы одна крыса.

Джеку, который подозревал, что в любой гостинице мира непременно обитает хотя бы пара-другая крыс, пришлось снова придержать язык.

— И разумеется, вы ни при каких обстоятельствах не должны позволять своему сыну забираться на чердак.

— Само собой. — Джек сверкнул парадной улыбкой. Унизительная ситуация. Неужели этот напыщенный маленький хмырь считает, что он мог бы разрешить своему сыну дурачиться на чердаке среди ловушек для крыс, обломков старой мебели и бог знает чего еще?

Уллман убрал план чердачного этажа и сунул его в самый низ кипы листов.

— «Оверлук» располагает ста десятью помещениями для постояльцев, — продолжил он тоном лектора. — Тридцать из них, и все это — апартаменты, находятся здесь, на четвертом этаже. Десять в западном крыле (включая президентский люкс), десять по центру здания и еще десять в левом крыле. Отовсюду открываются великолепные виды.

Неужели нельзя обойтись без рекламы?

Но Джек промолчал. Ему очень нужна была эта работа.

Уллман переложил план четвертого этажа вниз, и они изучили схему третьего.

— Сорок номеров, — сказал Уллман. — Тридцать двухместных и десять одноместных. На втором этаже у нас по двадцать номеров каждой из этих категорий. В придачу к этому на всех этажах имеются по три стенных шкафа для постельного белья, а две большие кладовки расположены в самом дальнем конце восточного крыла второго этажа и в западной оконечности первого. Вопросы есть?

Джек помотал головой. Уллман мгновенно убрал планы третьего и второго этажей.

— Так. Теперь первый этаж. Начнем с вестибюля. Вот здесь, в центре, — стойка регистрации. Позади нее расположены служебные кабинеты. Холл простирается от стойки на восемьдесят футов в каждом направлении. Здесь, в западном крыле, находятся ресторан «Оверлук» и «Колорадо-холл». Банкетный и бальный зал — в противоположном, восточном крыле. Вопросы есть?

— Только относительно подвала, — сказал Джек. — Ведь для зимнего зрителя это самый важный этаж. Его основное рабочее место, если можно так выразиться.

— Там вам все покажет Уотсон. План подвала висит на стене в котельной. — Уллман снова приосанился, сдвинул брови, вероятно, желая всем своим видом показать, что как управляющий не